

Манипулятивное воздействие в испанском политическом дискурсе: слова-стереотипы, слова-символы и слова-слоганы

К.В. Кучеренко

Статья посвящена проблеме манипулятивного воздействия в испанском политическом дискурсе. В статье дается характеристика манипулятивного воздействия как важной функции политического дискурса. Одной из тактик манипулятивного воздействия являются слова-стереотипы, слова-символы и слова-слоганы. В статье выявляется специфика манипулятивного воздействия, к которому прибегают политики, придерживающиеся разных взглядов.

Понятия «манипуляция сознанием», «манипулирование», «манипулятивное воздействие» сформировались в середине 50-х гг. XX в. в американской социологии и затем начали использоваться в психологии и политологии. Постепенно эти понятия вошли в общественное сознание. Как любое общественное представление, «манипулятивное воздействие» фиксирует характерные признаки определенного явления социальной действительности, которые наиболее отчетливо проявляются в конкретный исторический период.

Распространение манипуляции привело к тому, что возросла потребность во всестороннем научном исследовании этого явления по отношению прежде всего к общественному сознанию. Началось изучение способов и средств целенаправленного воздействия на сознание, разрабатывались методы модернизации и усовершенствования того,

как управлять общественным сознанием. Их ответственность была доказана в ходе исторического развития.

Г. Шиллер в книге «Манипуляторы сознанием» определяет манипуляцию как «скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения»¹. Психолог Э. Шостром писал о манипуляции как об «управлении и контроле, эксплуатации другого, использовании его в качестве объекта»². Российский психолог Е.Л. Доценко считает манипуляцию видом психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями³.

Такая наука, как нейролингвистическое программирование (НЛП), разрабатывает методы и способы манипулятивного воздействия на психику (подсознание) посредством языка, как основного

■ Свежий взгляд

кода, управляющего второй сигнальной системой человека. Воздействие может быть непосредственным – в процессе контакта, и опосредствованным – через СМИ. В обоих случаях посредством определенных речемыслительных схем (фреймов) манипулятор воздействует на установки, ценности и убеждения человека (группы людей), получая возможность навязывать определенные представления, изменять систему ценностных ориентиров и, как следствие, оценку действительности, собственное поведение человека в социуме. При воздействии НЛП человек не осознает того, что им манипулируют.

Существуют различные типы манипуляции: манипуляция в обществе, в науке, в быту. Но одним из самых распространенных видов общественной манипуляции является манипуляция политической. Политические манипуляции представляют собой средство достижения определенных целей неким политическим субъектом. Политическая манипуляция – это скрытое управление политическим сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать или бездействовать в интересах манипуляторов, навязывание воли манипулятора манипулируемому в форме скрытого воздействия. Средства политической манипуляции могут быть прямые и скрытые, направленные на PR или агитацию, содержать в себе рекламу или антирекламу, воздействовать на индивидуума, группу людей или целую нацию. Средства политической манипуляции могут быть печатными, электронными, наружными и другими. В области политической деятельности различают манипуляцию в сфере внутренней политики и в сфере внешней политики.

В сфере внутренней политики государственный институт манипулирует общественным мнением граждан, которые и являются объектом воздействия. В сфере внешней политики государственный институт становится объектом манипуляции института власти другого государства и объектом, оказывающим опосредствованное воздействие на национальное общественное сознание, то есть объект манипулирования – вся нация. На первый взгляд между этими типами манипуляции нет различия, так как объектами манипулирования выступает общественное сознание. Однако, как свидетельствуют политические события XX столетия, эти типы манипуляций совпадают по целям – изменение поведения целевой аудитории, а в масштабе геополитики – по результату.

Политический дискурс любого политика любой страны ставит перед собой целью манипулятивно воздействовать на реципиентов. Не является исключением и Испания. Главной чертой политического дискурса является «борьба за власть». По этой причине все коммуникативные стратегии убеждения в рамках политического дискурса должны рассматриваться как служащие данной единой цели. Интенция борьбы за власть – это специфическая характеристика политического дискурса. Она имманентно при-

сутствует во всех жанрах: агитационной речи, дебатах в парламенте, дискуссиях, политическом интервью и т.д.

В Испании вот уже более 20 лет борьба за власть ведется между представителями двух партий – Испанской социалистической рабочей партии (PSOE) и Народной партии (PP). Безусловно, важнейшим инструментом манипуляции в политическом дискурсе является речь. «Мы – рабы слов», провозглашал Карл Маркс. В информационном обществе посредством слов политики манипулируют мнением и сознанием людей, благодаря словам им удастся выстраивать заданную картину мира в умах получателей информации. Еще в начале 1990-х гг. секретарь коммунистической партии Испании Хулио Ангита (Julio Anguita) со ссылкой на своего коллегу говорил: «Когда социальный класс использует язык тех, кто его угнетает, он становится угнетенным окончательно. Язык небезобиден. Слова, когда их произносят, прямо указывают на то, что мы угнетены или мы угнетатели».

Среди потока слов в речах испанских политиков можно выделить устойчивые словосочетания, слова-стереотипы, слова-символы и слова-слоганы, которые играют ключевую роль в манипулировании общественным сознанием. Рассмотрим подробнее одно из подобных слов-символов. Если говорить о топониме «*España*», то следует отметить, что произошли изменения в использовании этого слова в переходный период, который повлек за собой восстановление этого слова в общей политической лексике. В действительности эта лексическая единица была практически табуирована для националистических групп и левых партий (социалистов и коммунистов), потому что ее использовали в своем лексиконе правые силы (франкисты и центристы). Но с середины 1990-х гг. она используется и националистами, и социалистами, и коммунистами, что видно из следующих отрывков:

«*Esa declaración es, dice, “una reivindicación del carácter plurinacional de España que no tendría que alarmar a nadie, ya que no presupone ni secesionismo, ni violencia ni renuncia a desempeñar un papel positivo, como hemos tenido en la transformación de España. Presupone que dentro del Estado español, Cataluña es una nación bien diferenciada de las demás [...]”*» (из речи Хорди Пуйоля (Jordi Pujol), председателя Generalitat de Cataluña⁴).

«*El modelo autonómico tiene la capacidad de conjugar efizcamente la singularidad de cada territorio y los hechos diferenciales con un compromiso de colaboración e integración en un gran proyecto que es España.*» (из речи Мануэля Чавеса (Manuel Chaves), председателя Junta de Andalucía⁵).

«*Quien concitó el mayor respaldo en las urnas concitó también la mayor huelga general habida en la historia de España.*» (выступление Хулио Ангиты (Julio Anguita), debate en torno al estado de la Nación⁶).

Включение термина «*España*» – «Испания» в лексикон различных политических групп не означает, что существует единое его толкование. Так, в случае вышеупомянутого националистического текста «*España*» выступает в качестве эквивалента

термину «государство», о чем свидетельствует чередование с синтагмой «*el Estado español*» – «испанское государство»; напротив, в тексте президента-социалиста этот термин относится к концепту более абстрактному и эмоциональному («*España es un gran proyecto*» – «Испания являет собой великий проект»).

Причину широкого использования лексической единицы «*España*» нужно искать, рассматривая ее с лингвистической точки зрения как имя собственное. Она имеет двухвалентную предрасположенность: с одной стороны, имея более конкретный смысл, она обозначает единственный в мире объект с общим названием, которое в равной степени относится к элементам, принадлежащим к совокупности людей или вещей, а с другой – это неконкретный термин, семантически неопределенный, включающий в себя пробел с денотативной точки зрения. Употребление слова «*España*» в рассмотренных текстах показывает, что обе эти интерпретации возможны и, кроме того, что второе условие более вероятно, чем первое. Это могло бы объяснить использование этого слова различными политическими партиями (правой или левой, националистической или ненационалистической). При этом явно просматривается, какой именно образ Испании политик пытается донести до своей аудитории.

Правильный выбор слова политиком для использования его в той или иной конкретной ситуации невероятно важен. Благодаря правильно подобранному слову оратор сможет заложить в сознание реципиентов необходимое ему понимание ситуации. Эмоциональное позитивное или негативное воздействие иногда настолько сильно, что слово может использоваться со значением явно противоположным его основному значению. Это происходит в тот момент, когда оратор выбирает из словарного списка лексическую единицу общего характера, которая наименее маркирована определенным коннотативным значением, что позволяет использовать ее с максимальным позитивным эффектом.

Слова с нейтральным значением при наличии определенных эмоциональных маркеров теряют свою изначальную нейтральность. Например, подобное происходит с такими словами, как «*cambio*» – изменение, перемены, «*país*» – страна, «*territorio*» – территория. Основное значение слов «*país*» и «*territorio*» (в особенности второго) основано на географическом и пространственном понятии, также они могут использоваться в юридической или политической сферах: «*país*» и «*territorio*» – пространство, ограниченное границами, установленными законом. К этим словам имеют отношение в первом случае «*nación*» – страна, государство, «*estado*» – государство, «*pueblo*» – народ, а во втором «*provincia*» – провинция, «*región*» – регион и т.д.

Во время как политики-националисты используют лексическую единицу «*país*», когда говорят о Каталонии или Стране Басков, политики-ненационалисты произносят слово «*país*», лишь

говоря об Испании, а слово «*territorio*» применяют в отношении автономных областей, чтобы обойти стороной проблемный вопрос об их независимости.

«*Creemos que España se está jugando mucho y no estamos dispuestos a que nuestro silencio nos haga cómplices de procesos que marginen a nuestros territorios [...] Desde la legitimidad histórica que asiste a Andalucía [...] queremos contribuir a encontrar la mejor salida a esta delicada situación, que no puede pasar por la consolidación de privilegios económicos y sociales para determinados territorios, porque dentro de la unidad política de España, en la que nuestra Constitución reconoce los hechos diferenciales [...] y las diferentes vías al autogobierno, no existe un derecho natural, ni previo ni posterior a la Constitución, que pueda serbinvocado para justificar estos privilegios a la desigualdad entre los españoles.*» (Мануэль Чавес, глава Андалусии)⁷.

В качестве вывода мы можем сказать, что использование слова «*territorio*» в ущерб его частичным синонимам «*nación*» – страна, государство и «*región*» – регион происходит из-за того, что существительное «*territorio*» носит более общий, нейтральный характер, и отсюда следует наименьшее понимание его значения. Слово «*territorio*» наименее маркировано эмоционально-идеологическими компонентами, поэтому часто используется политиками разного политического толка, хотя каждый из них вкладывает в него свой смысл. Следующий пример из речи коммунистического лидера явно это иллюстрирует. Хулио Ангита использует слово «*territorio*», говоря и об автономной области, и об Испании в целом. Он называет Астурию и автономной областью (*una comunidad autónoma*), и важной территорией государства (*un importante territorio del Estado*), и испанской территорией (*el territorio español*), тем самым подчеркивая единство нации и государства и избегая имя собственного – Испания.

«*[...] huelga general en Asturias, una huelga general en la que las reivindicaciones de toda una comunidad autónoma van mucho más allá [...] y se centran en el futuro incierto de todo un importante territorio del Estado [...] y el anuncio de una gran movilización en el mes de abril para todo el sector campesino de la cornisa cantábrica, sino el de todo el territorio español.*» (Debate en torno al estado de la Nación)⁸.

Важную роль в манипулятивном воздействии испанских политиков играют устойчивые словосочетания. Некоторые словосочетания появляются благодаря неоднократному использованию устойчивых словосочетаний или лексикализованных выражений в той или иной степени в зависимости от изменений, допустимых для этих компонентов.

Например, старые синтагмы: *la lucha de clases* – классовая борьба, *los poderes públicos* – органы государственной власти, *estado de bienestar* – государство всеобщего благоденствия, *sociedad de bienestar* – общество всеобщего благоденствия, *el imperio de la ley* – верховенство закона, *disciplina de partido* – партийная дисциплина, *Estado social y democrático de Derecho* – социальное и демократическое правовое государство. Или новые синтаг-

■ Свежий взгляд

мы: *construcción europea* – строительство Европы, *convergencia europea* – европейская конвергенция, *convergencia real* – реальная конвергенция, *la casa común de la izquierda* – всеобщий/объединенный дом левых сил, *programa común* – общая программа, *mayoría social de progreso, sociedad global* – глобальное общество, *cohesión social* – социальная сплоченность, *cohesión territorial* – территориальное единство, *los fondos de cohesión, ámbito vasco de decisión* – решительный курс басков, *plan de paz* – план мирного урегулирования.

Как и в случае со словами, эти единства не всегда стабильны: постоянство и укоренение некоторых из них контрастируют с забвением, в которое при изменении политической ситуации попадают другие словосочетания. Использование этих устойчивых словосочетаний является одной из черт, служащих для выделения их в разряд особой лингвистической модальности, а также для демонстрации того, чтобы показать, что основной задачей политического дискурса является побуждение, нежели донесение информации. Это связано с тем, что эффективность таких выражений заключается больше в стереотипных и коннотативных аспектах, чем в способности выразить точное денотативное значение.

Доказательством этому является то, что многие из этих выражений выступают в роли заместителей оценочных выражений (эвфемизмов или преувеличений). Они позволяют избежать компрометирующих слов (например, *ámbito vasco de decisión* – право басков принимать самостоятельные решения, вместо *soberanía* – суверенитет) или, наоборот, придают эмоциональную окраску (например, синтагма *la lucha de clase* – классовая борьба уже вышла из употребления). Тем не менее даже это оценочное значение может исчезнуть из-за их повторного и почти автоматического использования. Использование этих устойчивых словосочетаний является одной из характеристик так называемого «деревянного языка» (в переводе с французского – «Langue de bois»), которому свойственна манера выражаться посредством стереотипов и устойчивых формул.

Указанный механизм закрепления также лежит в основе формирования фраз-лозунгов, таких, как социалистический лозунг *por el cambio* – за преобразования (возникший в переходный период, но сегодня уже не актуальный) или лозунг, использовавшийся представителями Народной партии, *España va bien* – (с нами) Испания идет верным курсом.

Самым ярким свидетельством обратно пропорциональной связи, установленной между коннотацией и отсутствием определения денотативной составляющей (возможно, как следствие расширения его значения), являются так называемые «слова-символы» или «слова-эмблемы». Их символический или эмблематический характер определяется сильной эмоциональной нагрузкой и денотативной неопределенностью значения, которое происходит в результате их неправильного употребления, а также избытка

стереотипов. Из-за этого некоторые из абстрактных понятий являются трудными для понимания. Например, в случае с социально-политической лексикой («*estado*» – государство, «*nación*» – нация, «*pueblo*» – народ).

Для необходимого функционирования словосочетаний с вышеуказанными словами в их состав также входят «слова-ключи», называемые так потому, что они представляют или суммируют наиболее важные социальные и политические события, происходящие на том или ином историческом этапе. Примером этого класса слов является, например, слово «*consenso*» – консенсус, которое было одним из ключевых условий переходного периода, в настоящее время таким словом является слово «*soberanía*» – суверенитет. Существует два более ясных и простых формальных признака для идентификации таких слов:

– высокая частотность в политическом дискурсе определенного времени;

– легкость, с которой от них образуются производные (например: «*consensual*», «*consensuar*», «*cosoberanía*»).

Они также могут быть интегрированы в различные синтаксические сочетания, некоторые из которых являются логически абсурдными («*soberanía compartida*», «*cuotas de soberanía*»).

К категории слов-символов относятся:

– имена собственные («*España*» – Испания, «*Cataluña*» – Каталония, «*Euskadi*» – Эускади (Страна Басков), «*Galicia*» – Галисия и др.);

– имена нарицательные, среди них технические термины политического лексикона («*nación*» – нация, «*patria*» – отечество, «*pueblo*» – народ, «*estado*» – государство, «*democracia*» – демократия, «*solidaridad*» – солидарность и т.д.);

– термины общей лексики («*consenso*» – консенсус, «*cambio*» – изменение, перемены, «*paz*» – мир и т.д.).

Сильное коннотативное значение у всех этих слов появляется благодаря тому, что они являются частью лозунгов и политических слоганов, например социалистический лозунг на выборах 1982 г. «*Por el cambio*» – За перемены! или лозунг Народной партии «*España va bien*» – (с нами) Испания идет верным курсом. Это наблюдение позволяет нам предположить, что в таких случаях символические единицы имеют более широкое значение, чем слово, например, «*la nación española*» – испанская нация, «*el pueblo español*» – испанский народ, «*la paz*» – мир и т.д.

В данном случае важно то, что слово или синтаксическое единство не употребляются согласно их основному денотативному значению, а используются в основном по их коннотативному значению, второму или скрытому, полученному при употреблении определенного артикля, а также при перлокутивных эффектах, направленных больше на ощущения, чем на рассуждения; с ними они больше склоняют к действиям или побуждают к принятию определенных решений, нужному восприятию информации. Эти элементы в значительной степени обладают манипулятивным

характером и с наибольшей частотностью появляются и проявляются в политических лозунгах, выражениях, характеризующихся автономным семантическим функционированием или независимостью от дискурсивного контекста и в силу этого выступающих в качестве отдельных формул.

Kucherenko K.V. Manipulative Influence in the Spanish Political Discourse: Words Stereotypes, Words Symbols and Words Slogans.

Summary: *The article is devoted to a problem of manipulative influence in the Spanish political discourse. The article gives the characteristic of manipulative influence as the important function of a political discourse. One of tactics of manipulative influence are words stereotypes, words symbols and words slogans. In the article is found out the specific character of manipulative influence which used by the politicians of all persuasions.*

Ключевые слова

Манипулятивное воздействие, политическая манипуляция, психологическое воздействие, испанский политический дискурс, слова-символы, слова-слоганы, лексическая единица, слова-стереотипы

Keywords

Manipulative influence, political manipulation, psychological impact, spanish political discourse, words symbols, words slogans, lexical unit, words stereotypes

Примечания

1. Шиллер 1980, цит. по О.Л. Михалева. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М. URSS. 2009. С. 75.
2. Шосторм. Анти-Корнеги или человек-манипулятор. Минск.: Изд-во «Полифакт», 1992. С. 5.
3. Е.Л. Доценко. Психология манипуляции. М.: Изд-во ЧеРо, 1997. С. 59.
4. El País. 11.08.1998. P.15.
5. Ibid. P.16.
6. Diario de Sesiones, 24.03.1992. P. 8614.
7. El País. 11.08.1998. P.16.
8. Diario de Sesiones. 24.03.1992. P. 8611.